

Журналъ
ВЕРШОКЪ

Литературно-художественный

«На вьюгах».

Рис.
П. Даленова.

№ 19.

Апрѣль.

1915 г.

ВЕРШКЪ

Еженедѣльный иллюстрированный журналъ художественной литературы и сатиры.

Выходитъ по вторникамъ.

Въ журналъ принимаютъ участіе литераторы: Леонидъ Андреевъ, Сергій Ауслендеръ, Анна Ахматова, В. Бестужевъ, Александръ Блокъ, Ю. Верховскій, В. Вонновъ, З. Н. Гиппиусъ, Владимиръ Гординъ, Н. Гумиловъ, И. Гуревичъ, Л. Добронравовъ, О. Л. Доръ, Т. Ефимова, Вячеславъ Ивановъ, Рюрикъ Ивневъ, М. И. Исаевъ, Д. Крачковскій, Д. С. Мережковскій, О. Миртова, М. Моравская, Д. Мусинъ, П. П. Потемнинъ, М. Пришвинъ, В. Пясть, А. Ремизовъ, Борисъ Садовскій, Ю. Слезкинъ, П. С. Соловьева (Аллегро), Фелдоръ Сологубъ, Теффи, А. Тиняковъ, Н. Фалъевъ (Чужъ-Чуженинъ), А. Чапыгинъ, А. Чеботаревская, К. И. Чуковский, Георгій Чулковъ, Ф. Шекондинъ, Иер. Ясинскій (Максимъ Бѣлинскій) и др.

Художники: Н. Л. Аронсонъ, А. Е. Архиповъ, А. Ф. Аванасьевъ, Альбертъ Бенуа, Б. Бобровскій, Н. П. Богдановъ-Бѣльскій, И. И. Бродскій, А. Е. Бѣлогрудъ, В. М. Быстренинъ, С. А. Виноградовъ, К. И. Горбатовъ, И. М. Грабовскій, Г. Н. Горбловъ, С. Ю. Жуковскій, К. В. Дыдышко, Е. А. Кисилева, К. А. Коровинъ, М. И. Куринко, А. Б. Лаховскій, А. Линдеманъ, Г. К. Лукомскій, А. М. Любимовъ, А. Ф. Максимовъ, С. В. Малютинъ, В. Масютинъ, А. А. Мурашко, И. Г. Мясоѣдовъ, И. П. Пахитоновъ, Л. О. Пастернакъ, В. Плотниковъ, А. А. Радаковъ, Н. К. Рерихъ, А. А. Рыловъ, И. Е. Рѣпинъ, Ю. И. Рѣпинъ, А. И. Савиновъ, А. В. Скалонъ, В. Д. Фалъевъ, Н. И. Фешинъ, И. А. Фоминъ, Н. В. Харитоновъ, Н. П. Химона, В. Я. Чемберсъ, Ф. П. Шалляинъ, П. Д. Шмаровъ, А. Р. Эберлингъ, А. Эйсенбергъ, К. Ф. Юонъ.

Подписная цѣна съ пересылкой:

за годъ за 1/2 г. за 3 м. и за 1 м.
6 р.; 3 р.; 1 р. 75 к. 75 к.

Цѣна номера въ отдѣльн. продажѣ 15 к.

Редакторъ-Издатель Л. М. Гутцацъ.

Редакція—Петроградъ, Воскрес. наб., 26.

Тел. № 410-98. Приемъ ежедн. отъ 3—5 ч.

Контора—Шпадерная, 26. Тел. № 18-68.

Открыта отъ 11 ч. у. до 6 ч. в.

Рукописи, прислан. безъ указанія условій, отбвваются по усмотрѣнію редакціи.

Зав. худ. отдѣл. И. И. Бродскій.

ИЗЛЮБЛЕННЫЯ ПУБЛИКОЮ
ПАПИРОСЫ
„СЭРЪ“
10 шт.—8 к. 25 шт.—20 к.
„КОЛОБОВЪ и БОБРОВЪ“.

ПРОДАЖА ДАЧНЫХЪ УЧАСТКОВЪ

ВЪ ПОСЕЛКАХЪ АКЦ. О-ВА СТРОИТЕЛЬ

„ТАВРИДА“ и „ФАВОРИТО“

БЛИЗЪ СТ. ЛИГОВО, БАЛТ. ЖЕЛ. ДОР.

Общедоступныя цѣны, самая льготная разсрочка

исключительно удобныя сообщенія съ Петроградомъ, 17 мин. ъзды отъ Петрограда по Балт. ж. д., повзла каждыя 10—15 мин. Строится Ораніенб. эл. трам. съ остан. у самаго поселка, 20 мин. ъзды отъ Петрограда на автомобиль по превосходн. Петергофск. шоссе; мѣстность высокая, здоровая, чудный основной лѣсъ, историческіе пруды и постройки врем. Ек. II. Вводится полное благоустройство: водопров., канализація, электрич. осв., совств. трамвай для соединенія жел. дор. съ Оранб. эл. трамваемъ, временное автомобильное сообщеніе, театр, гимназія и пр.

На вокзалѣ постоянно дежуритъ проводникъ въ спец. формѣ.

Справки: 1) Глав. Конт. Акц. О-ва «Строитель», Каменноостров. пр. № 26. Тел. №№ 45-48, 569-89. Завѣдывающій поселк. отд. землемѣръ К. Мадичъ. 2) Лигово, поселк. контора. Тел. Лигово 31.

СВОБОДНЫЙ ХУДОЖНИКЪ
С. О. ОСЛАНЪ.

Художественный аккомпанементъ.
Разучиваніе оперныхъ партій.

Бронницкая, 19, кв. 19.
Тел. № 505-64.

«КРЫМЪ и КАВКАЗЪ»
Литейный, № 21.

Всевозможныя любительскіе табаки, на разныя цѣны.

Въ оригинальныхъ упаковкахъ.

ЖУРНАЛЪ
ВЕРШОКЪ

Литературно-художественный

№ 19.

Апрѣль

1915 г.

«Осиновья дрова».

С. Ю. Жуковскій.

* * *

Снѣгъ таетъ на горахъ, и шумъ отъ водопадовъ
Летитъ въ долину полную лучей.
Пресвѣтлый царь, что грѣешь насъ и гадовъ
Сегодня праздникъ въ храмѣ твоей.

* * *

Заснулъ сѣдой чабанъ и тихо бродитъ стадо
Лѣниво, мирно щиплющихъ овецъ.
Зажженъ лучемъ—пою, мнѣ ничего не надо
Лишь ты гори—мой радостный отецъ.

* * *

Я буду ѣсть червей, вползу въ нору—завою
И волосами густо обросту—
Лишь только бѣ вѣрить сну, что сызнава весною
Деревья зашумятъ и будетъ лугъ въ цвѣту.—

Александръ Рославлевъ.

Б'А Л А Г А Н Ъ.

I.

Цвѣты любви, цвѣты радости разбрасывалъ я по темнымъ закоулкамъ жизни. Пѣлъ пѣсни солнца, а меня кляла и поносила толпа. Отъ востока и запада, отъ сѣвера и юга въ дикомъ древнемъ полѣ звалъ я пророковъ. Но ко мнѣ шли ватаги ехиднъ, разбойниковъ, пытали меня, вынимали изъ груди сердце, зори и пѣсни.

Тогда я замолкалъ. Только любовь моя цвѣла неистово, и пѣжные я несъ ея благоуханные лепестки въ темный старый монастырь.

дымъ безусымъ хлыщемъ, Дунайцевымъ—объ этомъ я узналъ случайно.

Я—монастырскій художникъ, пою въ хорѣ, пишу также житія затворниковъ монастырскихъ и прозорливцевъ. Но главное мое—любовь. Толпы дѣвушекъ ходили за мною, на меня указывали пальцами.

Какъ-то въ пустомъ соборѣ, въ яркѣй безлѣдный будень, дописывалъ я на стѣнѣ картину ада. Работа такъ захватила меня, что я забылъ даже, гдѣ я. Я беззаботно насвистывалъ да притоптывалъ въ тактъ

«Зимка».

И. Бродскій.

Въ лѣсу пѣли молитвы Творцу гады, птицы, звѣри, лѣсовики. Въ монастырѣ—монахи. А я, ограбленный, навѣки замолкшій, пѣлъ хвалу Творцу любовью, и неизбывна была моя молитва—хвала, чиста и свѣтла, какъ чисты и свѣтлы дѣвушки монастыря, чьи пѣжныя имена были для меня словами молитвы.

А чтобы не омрачать хвалы, я бѣжалъ страсти. Я пряталъ взоръ свой отъ открытыхъ, какъ будто дѣтскихъ, а вовсе дьявольскихъ дѣвичьихъ взоровъ, особенно же отъ стрѣльчатыхъ маленькихъ черныхъ глазъ, полныхъ тысячами бѣсовъ и миллионами солнцъ—отъ жгучихъ глазъ пятнадцатилѣтней дѣвушки-тихони, что ходила каждый праздникъ въ монастырскій соборъ изъ города съ какимъ-то моло-

ногой. Какъ вдругъ позади меня кто-то, хихикнувъ, проговорилъ:

— Святой сатиръ!

Оглянувшись, я увидѣлъ все того же безусаго хлыща, а съ нимъ дѣвушку-тихонию.

— Но почему онъ пишетъ вѣдмъ и блудницъ-старухъ?..—подмигивалъ хлыщъ:—и почему у того воиъ чорта—богомольное лицо?..

Сурово тихоня сдвинула брови. Но вдругъ расхоталась звонко:

— Я, пожалуй, скажу, Дунайцевъ, почему!.. Вы, конечно, знаете, что всѣ красивыя женщины, достаются пошлякамъ... А художникамъ... избранныкамъ

Бога—вѣдмы и блудницы... Вотъ они и воспѣвають ихъ! Изъ ревности или съ отчаянiя?..

— Еще неизвѣстно, кто пошлякъ, а кто избранникъ... фыркнулъ Дунайцевъ:—знаемъ мы этихъ богомазовъ! Тоже художниками называются...

— А богомольный чортъ—вѣдь это же великолѣбно!—не унималась дѣвушка:—чортъ тоже старается хвалить Бога. Только по своему... Бунтомъ, что ли?

Я молчалъ, потому что не умѣлъ говорить. Но дѣвушка-чернянка говорила такъ, какъ будто это говорилъ я.

Когда она подошла ко мнѣ, шелестя шелкомъ, почти вплотную, дыша мнѣ въ ухо сбоку, я, не видя ея, дрогнулъ, заболѣлъ. Странные опутали меня лучи ядовитые. Не зналъ я, какъ повернуть голову и увидѣлъ, откуда эти лучи: изъ черноогненныхъ глазъ хрупкой, острыхъ, какъ жала, полныхъ легiонами дьяволовъ..

Гады и звѣри обречены на любовь, не только люди. А я былъ избранникъ, что пѣлъ любовью хвалу Творцу, какъ же я могъ скрыть взоръ свой отъ колдовскихъ жгучихъ чернянкихъ глазъ.

Пѣснь моя пѣла во мнѣ.

II.

Въ послѣднiй разъ обдавъ меня шелестомъ и тонкимъ ароматомъ духовъ, волосъ и иѣжнаго, смуглаго пятнадцатилѣтняго—такъ мнѣ почему то казалось—тѣла, прошла хрупкая къ выходу, и пѣснь моя зазвучала такъ: кровь, гудя и звеня, ударила въ сердце, въ голову, потомъ огненными волнами прошла къ ногамъ; невидимые колдовскiе лучи, удаляясь, запутали, закружили меня еще безнадежиѣ, а надъ плечами моими звенѣли взмахи свѣтлыхъ крыльевъ, да, крылья несли меня за нею, за ядовитой и юной, что изъ собора шла уже за рѣку, въ городъ.

Зналъ я, что до самой смерти не услышать мнѣ отъ нея словъ любви, не поцѣловать тонкой иѣжной руки ея до смерти. Но какъ цвѣла душа моя, какъ пѣло мое сердце любовь—хвалу!

Ее, иѣжную, съ дѣтскимъ гибкимъ станомъ и черными дымными косами, велъ подъ руку безусый осторожно и почтительно. Но каждое его прикосновение къ ней было для меня ударомъ ножа въ грудь, и ежели бы не прохожiе, что изрѣдка встрѣчались по дорогѣ изъ монастыря въ зарѣчный городъ, я сдѣлалъ бы что-нибудь страшное, непоправимое—такъ люта и свирѣпа была моя любовь. Молча я шелъ поодаль и никто не догадывался, что я, какъ тать, слѣжу за черноокой.

Въ городскомъ саду я, поотставъ, увидѣлъ, какъ тайкомъ подъ тѣнью липъ влюбленные—теперь мнѣ это было ясно—украдкой поцѣловались. Вѣриѣ, онъ ее быстро поцѣловалъ въ шею подъ дымной пушистой косой, въ смугло-алое тѣло ея; она же, вздрогнувъ, отскочила отъ него, но молчала. Изъ аллеи прошли они къ городскому балагану—огромной юртѣ, обтянутой парусиной, вздувавшейся подъ вѣтромъ, точно ослизлая кожа на чудовищномъ гнойникѣ. Въ

балаганѣ же и пропалъ ихъ слѣдъ. А я, помутившiй, попяляемый неутомимымъ огнемъ любви и ненависти-ревности, крутился по саду, бѣгалъ вокругъ балагана. Заглядывалъ за вывѣску—полотняный щитъ съ размалеванными змѣями, львами, лошадьми, чертями и турчанками—ничего не было видно. Собиралъ на площади мальчишекъ, прохожихъ, стараясь отъ нихъ что-нибудь узнать—да все безъ толку.

III.

Изъ-за угла грязнаго какого-то домишки, въ переулокъ поманилъ меня, трепля рукой, давнiй мой прiятель—псаломщикъ старой кладбищенской церкви подъ горой, у рѣки, куда онъ и держалъ теперь путь.

— Ты чего тутъ околачиваешься?..—хрипѣлъ онъ, потому что голосъ его былъ оборванъ и испитъ:—идемъ ко мнѣ въ гости! По единой!..—щелкнулъ онъ по горлу.

Меня эта встрѣча обрадовала—ужъ онъ то знаетъ, кто та красавица изъ балагана. Сразу же я и насѣлъ, стараясь спутать карты, чтобы не подумалъ, не узналъ, какъ страшно и безповоротно влюбленъ я въ чернянку.

— Игумень послалъ меня узнать...—закидывалъ я—узнать, правда ли въ этомъ балаганѣ... чорта потѣшаютъ, такъ сказать... распутничаютъ... Правда ли?.. А кстати кто эта жеглая, черненькая такая тихоня... сейчасъ я видѣлъ, ушла въ балаганъ.

Псаломщикъ, пошатываясь—былъ уже на взводѣ—моргнулъ глазомъ, крикнулъ, помоталъ недовѣрчиво головой:

— Ой ли, что игумень тебя послалъ?.. Не вѣрится чтой-то. Ну, братъ, осторожиѣ... это артистка Томилина, не кто-нибудь! Изъ-за нее два дурака уже застрѣлились...

— А мнѣ какое дѣло до всего этого?..—путалъ я карты:—мнѣ говорю, нужно знать, что въ балаганѣ дѣлается...

— Балаганъ?.. — разсвирѣпѣлъ вдругъ псаломщикъ:—звѣрь ты безпонятный!.. Темнота! Не балаганъ, а храмъ... храмъ Мельпомены! Да!.. Театръ это, да не какой-нибудь, а оперно-драматическiй, комическiй, каскадный, лирическiй и всякiй прочiй!.. Да! Ну, извѣстно есть звѣринецъ при немъ... но это больше для низшаго класса...—какъ-то конфузливо понизилъ онъ голосъ.

Театръ и звѣринецъ, артистка Томилина, моталъ я себѣ на усъ. Кто же тотъ, безусый, Дунайцевъ? Наѣздникъ? Актеръ? Чортъ или заклинатель змѣй, одинъ изъ тѣхъ, что размалеваны на щитѣ? Но и самому мнѣ захотѣлось вдругъ быть заклинателемъ змѣй или чортомъ, чтобы попасть въ тайники храма-театра, храма-звѣринца, храма Мельпомены да ближе узнать жгучую хрупкую чернянку.

— Какъ бы туда прострунуть?.. ида подъ гору, спрашивалъ я прiятеля:—можно, напимѣрь мнѣ?..

— За кулисы?..—икалъ псаломщикъ, сдвинувъ шляпу на затылокъ и задумываясь:—я вѣдь самъ иногда участвую въ спектакляхъ ихнихъ... Правда,

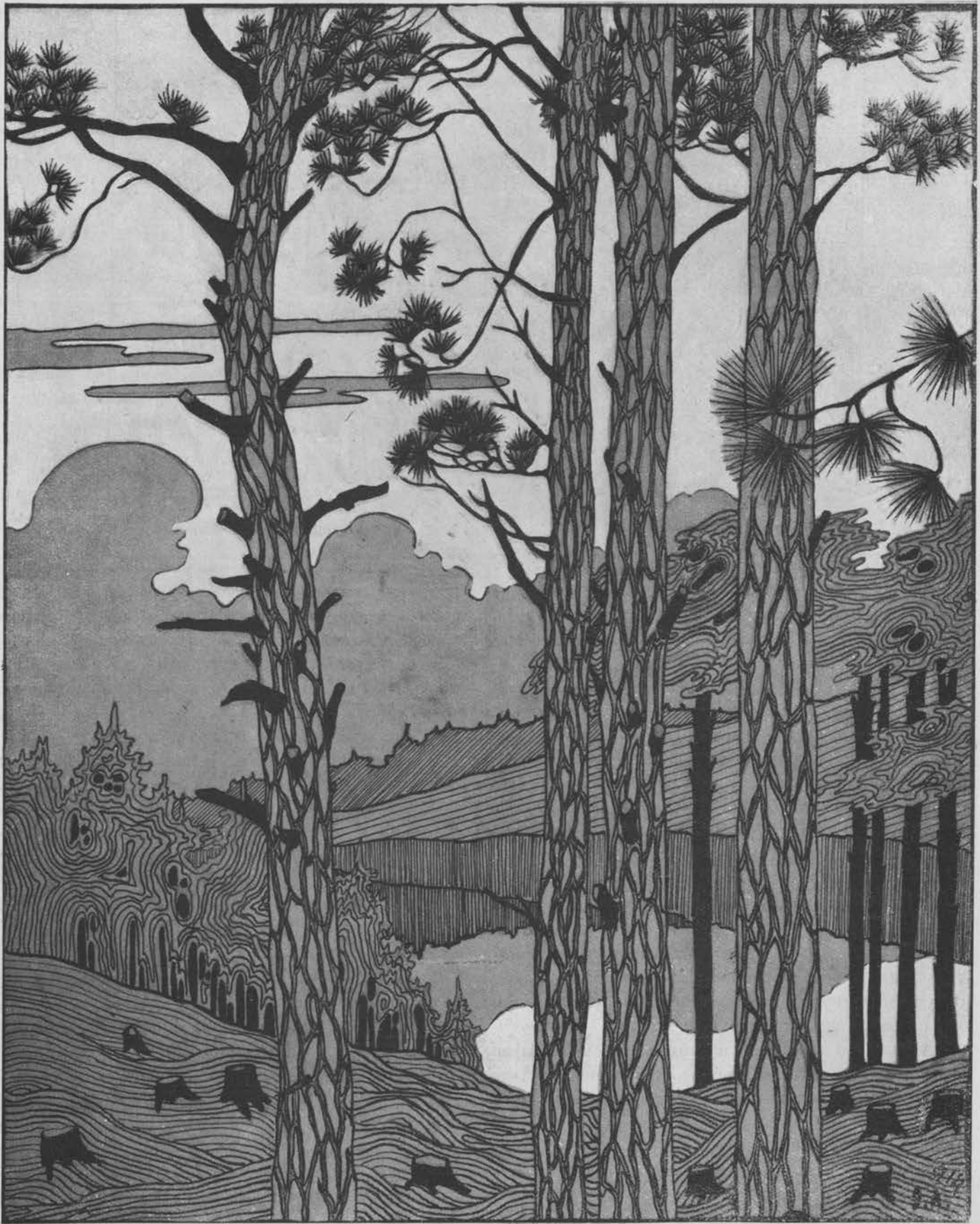

Рис. О. Амосовой.

Кому что.

Германія:—Валькирія.

Франція:—Жанна-Д'аркъ.

статистомъ, ну да со временемъ дадутъ и роль! Я—истый любитель; скажемъ, драматическаго искусства... Я актеръ въ душѣ!.. Среда только вотъ неподходящая, обстоятельства... Такъ за кулисы, говоришь?..—чесалъ онъ въ затылкѣ.—Можно. Сегодня-жъ и пойдемъ. Переодѣться тебѣ надо только, патлы подобрать...

Передъ вечеромъ я, переодѣтый въ старый замусленный псаломщиковъ сюртукъ и старую же съ прованной макушкой шляпу, сидѣлъ уже въ деревянномъ холодномъ сараѣ—ждалъ, когда насъ начнетъ облачать въ хламиды и наклеивать намъ бороды парикмахеръ: мы должны были изображать толпу каликъ переходящихъ.

Обрядились. Пришелъ Дунайцевъ—режиссеръ, заправила театра, какъ миѣ шепнулъ на ухо псаломщикъ. Погналъ насъ, какъ стадо барановъ за кулисы, гдѣ валялись щетки, крашенныя полотна и огарки, откуда несло вонюю невычищеннаго звѣринца и куда мы входили, какъ въ храмъ.

А какъ мы выходили на подмостки, что дѣлали, я не помнилъ. Помню только, едва я пошелъ впереди толпы съ лирой—у меня отклеилась и упала на полъ половина бороды; изъ балагана зарычали на меня тысячи голосовъ и я, оробѣвъ, сталъ быстро креститься, а какъ разъ въ это время надо было плясать—калики-то шли въ свадебномъ хороводѣ. Когда же въ концѣ представления, Дунайцевъ, грозя миѣ изъ-за кулис кулакомъ прорычалъ дико:

— Ты почему не плясалъ, анаема?!.. А борода?!

Я съ испугу подхватилъ полы брахла и пустился въ плясъ; но навстрѣчу миѣ изъ-за полотна выносили гробъ—несли жгучую чернянку—невѣсту. Въ

гробу она лежала блѣдна и мертва; но въ сердцѣ моемъ все еще звенѣлъ ея весенній золотой голосъ, все еще колдовали огни ея глазъ въ сердцѣ; должно быть потому-то я и перепуталъ все; да и то сказать, впервые въ жизни я выходилъ на подмостки: а все изъ-за любви.

Пѣснь моя пѣла во миѣ.

— То-ми-лину!.. То-о-ми-лину!.. —ревѣла, рукоплещая балаганная толпа.

Кучка актеровъ, чернянку подхвативъ, повела ее, истомную, хрупкую, къ огнямъ. Подъ ноги ей посыпались цвѣты, клики... Хрупкій, нѣжный ребенокъ, не знала она даже, что дѣлать ей съ цвѣтами.

Но тутъ подбѣжалъ я съ половиной бороды, въ пестрой хламидѣ. Подобралъ цвѣты, пробормоталъ, подавая ихъ Томилиной:

— Я тоже... Замѣ-ча-тельно!.. Какъ поклонникъ и почитатель, такъ сказать...

Только, цвѣты такъ и остались у меня въ рукахъ...

... Когда выходилъ я изъ сарая псаломщикъ съ проклятьями вырвалъ у меня поломанные цвѣты, втопталъ ихъ въ пыль. Но на ухо шепнулъ миѣ, что актерамъ понравилась моя выходка—животы надорвали! А Дунайцевъ говорилъ даже, будто во миѣ есть что-то такое этакое—я такъ оживилъ толпу каликъ,—положительно, это было подъ стать только актеру; да онъ пожалуй и возьмется за меня когда-нибудь.

IV.

Въ голосѣ Томилиной, низкомъ и пѣвучемъ, въ изгибахъ тонкаго стана глухое что-то тайлось, поло-

манное, извѣдавшее много. Но душа ея, хрупкая и свѣтлая душа ребенка была свята.

Въ монастырскій соборъ приходила она изъ-за рѣки теперь уже одна, каждое воскресенье, къ поздней обѣдѣ и у балдахина съ образомъ Троиручицы остановившись, не то грустила безмѣрно, не то цвѣла—улыбалась.

А я пѣлъ въ хорѣ. О, что можетъ быть свѣтлѣе, величавѣ пѣсни любви, пѣсни страсти въ молитвѣ. Въ храмѣ горнемъ пѣлъ я любовь свою—хвалу, молодость, радость солнца... Душа въ голосѣ трепетномъ и солнечноцвѣтномъ о вѣчной молилась печали, о зарѣ надъ лѣсными цвѣтами, о свѣтѣ невозможномъ.

Отошла обѣдня. Какимъ-то роснымъ бѣлымъ путемъ попалъ я на зарѣчные луга яркоцвѣтные, а по нимъ собирала черная чернянка цвѣты, смачивая концы дымящихъ косъ въ росѣ позднего утра. Грустную склоняла голову. Глядѣла изъ подъ ночныхъ косъ на меня въ упоръ, подходила медленной дѣвичьей поступью.

— Я васъ узнала...—говорила она, пряча глаза въ цвѣтахъ.—Слушайте... У васъ чудный голосъ... Вы еще и художникъ... Гдѣ вы учились? Какъ сюда попали? Вы и не подозреваете, какимъ богатствомъ обладаете?... Знаете что?... У меня есть друзья... Они помогутъ...

Молчалъ я. Недвижимо глядѣлъ ей въ глаза ночные, точно глухонѣмой—не умѣлъ я говорить. А она глушила меня и глушила:

— Вы не догадываетесь?... Вѣдь я нарочно хожу... въ соборъ... чтобъ... видѣть васъ... Въ храмѣ—душа моя свята... Любовь моя свята...

— Такъ вы потомъ скажите мнѣ?...—уходила она.

А я все также молча глядѣлъ ей вслѣдъ, а сердце пополамъ рвалось: любовь или насмѣшка, молитва или хула? Храмъ или балаганъ.

V.

Быть можетъ чернянкѣ и въ голову не приходило любить, а просто истомная хрупкая душа ея ибги просила и святости, въ монастырскомъ же древнемъ соборѣ радость и благость не изсякали вѣчно. Быть можетъ, дѣвушку плѣнили наговоры лѣсныхъ монастырскихъ зорь, свѣтъ горній, пѣсни зарныхъ ангеловъ, а не любовь, да такъ оно и было. Но я неистовствовалъ отъ любви, я торжествовалъ, обезумѣлый, громко я и изступленно кричалъ о любви моей безмѣрной ко всѣмъ дѣвушкамъ міра, это моя пѣснь Творцу огнезарная.

А больше всего, лютѣ и ненавистиѣ, мечталъ я о ней, о черновзорной, о, я зналъ, за что полюбила она меня—за любовь ко всѣмъ и всему на свѣтѣ, за свѣтлую мою душу, за радость и мое солнце...

Да и могъ ли я не любить? Это было бы кощунство, хула солнцу.

Теперь я уже не пропускалъ въ театрѣ ни одного вечера. Переодѣтый, скрытый въ толпѣ кулисной, ненасытимо ласкалъ я взоромъ своимъ ея ибжиую, пушистую, дымящую голову съ грустнымъ наклономъ

гибкій станъ, черный колдовской взоръ, душу ея, душу цвѣтка.

Какъ-то она, войдя за кулисы, передъ выходомъ, упорно и пристально поглядѣла мнѣ подъ подведенныя брови въ черные колодцы глазъ моихъ, какъ бы о чемъ то догадываясь и грозя. Я едва не вскрикнулъ отъ радости, захлестнувшей мнѣ сердце, отъ восторга: узнала.

— Только сегодня... узнали?...—въ рваномъ балахонѣ босняка, въ растрепанномъ пыльномъ парикѣ, подступалъ, я къ ней:—я тоже, такъ сказать... причастенъ творчеству... Театръ—это храмъ!.. Ну, и однимъ словомъ, я тоже влюбленъ въ васъ, такъ сказать...

Томиллина поблѣднѣла:

— Вы съ ума сошли?

Жутко вспыхивали молнии глазъ ея. Но я не понималъ еще ничего, а только пробормоталъ—говорить я не умѣлъ:

— А помните на лугу... Я уже бросилъ монастырь... Посвятилъ себя, такъ сказать... драматическому искусству...

Безмѣрно печально поглядѣла на меня дѣвушка. Покачала головой, грустно молвила, шепотомъ:

— Но развѣ вы забыли... что это — балаганъ?... Любовь—высшая молитва, священнотайна... Любить должно только въ храмѣ...

Заверещалъ звонокъ. Точно тараканы закопошились по угламъ актеры. Къ Томилиной подбѣжалъ вдругъ Дунайцевъ, тараша глаза и крича:

— Вы что, матушка?... Занавѣсъ поднять, а васъ ибтъ!.. Анаемство, провалитесь вы всѣ сквозь землю!..

Чернянка, шатаясь, ухватилась за его руки, зарыдала. А потомъ топнула ногой, съ визгомъ извернувшись, повисла на рукѣ Дунайцева, прижалась къ нему жарко и ибжно, прошептала:

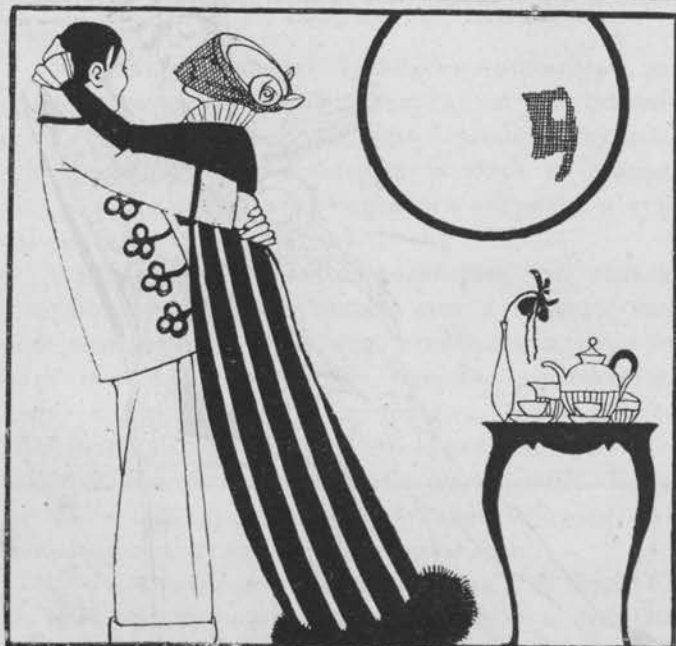
— Я тебя... люблю. Я влюблена... Прости, ну?

Пимелъ Карповъ.

Парижанка въ 1914 г.

„ЖУРНАЛ“

Раздраженіе Семена Ивановича разрасталось съ каждымъ днемъ. Вотъ уже недѣля какъ въ его отдѣленіи появился новый элементъ: молоденькая, скромненькая, простенькая барышня, «посаженная» самимъ директоромъ на мѣсто ушедшаго на войну «журналиста».

Казалось бы, что объясненіе раздраженію найдено: ему «посадили», иначе говоря—навязали, помимо его выбора, и кого—«барышню», ему ярому женофобу. Но итъ, мы ошибемся предполагая это. Причина другая и какъ разъ противоположнаго свойства. «Посаженная» барышня очень и очень нравится Семену Ивановичу, да что ужъ грѣхъ таить—влюбился почтеннѣйшій Семень Ивановичъ что называется «по уши», «какъ мальчишка». Случилось это какъ-то незамѣтно для него самого. Однажды вскорѣ послѣ поступленія этой барышни въ канцелярію, Семень Ивановичъ, обдумывая приготавливаемый начальству докладъ, скользилъ разсѣяннымъ взглядомъ по стѣнамъ, столамъ, фигурамъ чиновниковъ и дойдя до печки соскользнулъ на полъ и, слѣдуя по полу въ обратномъ направленіи, вдругъ остановился у одного стола. До сихъ поръ взоръ Семена Ивановича встрѣчалъ знакомые, обычные предметы, а потому и не могъ отвлечь отъ самоуглубленія своего обладателя, но теперь онъ встрѣтилъ на пути своего движенія предметъ для него новый...—на полу, подъ столомъ «журналиста», вмѣсто обычного рыжаго носка, на свѣтломъ пятнѣ, брошенномъ прихотливымъ солнцемъ въ казенное окно, стояла пара тоненькихъ ножекъ, обутыхъ въ скромные туфельки, короткое, приподнятое платье позволяло видѣть стройную ножку въ черномъ чулкѣ. Долго смотрѣлъ подъ столъ Семень Ивановичъ, наконецъ очнулся, фукнувъ полными губами, онъ схватилъ перо намѣреваясь продолжать работу, но не тутъ-то было, взоръ опять соскользнулъ съ доклада на столъ, со стола на полъ и, сдѣлавъ «для приличія» нѣсколько взмаховъ по канцеляріи, остановился опять на полу подъ столомъ «журналиста». Сдѣлавъ надъ собой усиліе Семень Ивановичъ снова возвратилъ свой взоръ на докладъ, но ничего путнаго отъ этого не вышло; слова воспринимались зрѣніемъ, но въ мозгу ничего цѣлаго не получалось: «по усмотрѣнію»... «распоряженію»... «заключенію»... Чертовщина какая-то. Почему-то сдѣлалось очень жарко; лысина покрылась каплями пота, а передъ глазами: «усмотрѣніе», «распоряженіе»... и узенькія маленькія туфельки.

О! Чтобъ тебѣ! Который-же часъ? Уже половина пятаго. Ну, ладно; сегодня что-то не того, не работается, утомился должно быть за день, завтра со свѣжей головой докончу.

— Иванъ Ивановичъ!—обратился Семень Ивановичъ къ молодому чиновнику, сидѣвшему за столомъ у окна.—Я ухожу, а вы приготовьте мнѣ бумаги къ

А И С Т Ъ.

Парижанка 1915 г.

подписи на утро. Петръ Павловичъ,—повернулся онъ къ другому чиновнику,—дайте мнѣ докладную записку, я, можетъ быть, просмотрю ее дома.

— Она еще не готова, Семень Ивановичъ, черезъ полчаса я окончу и пришлю вамъ съ курьеромъ.

— Хорошо. Только, пожалуйста, посылайте съ книгой, а то эти вѣчно сонные курьеры все путаютъ и перевираютъ. Дайте записать въ исходящій журналъ и пришлите.

При этихъ словахъ Семень Ивановичъ взглянулъ на «журналиста» и глазамъ его представилась обладательница стройной ножки въ простой туфелькѣ. Это была молоденькая барышня, лѣтъ 20, скромно одѣтая, съ голубыми глазами и бѣлокурыми волосами.

— А, вы,—Семень Ивановичъ хотѣлъ сказать что-нибудь и барышнѣ, но, показывая свое «безразличіе» къ «женскому полу» на службѣ, еще суровѣе, чѣмъ хотѣлъ, сказалъ:—какъ васъ тамъ, смотрите не напутайте тамъ чего-нибудь при разсылкѣ.

Дѣвушка, страшно застѣчивая, вспыхнувъ какъ огонь, встала и скорѣе прошептала, чѣмъ сказала:

— Хорошо-съ!

— Эка, старый чортъ, такъ и пышетъ. Не нравится, видно, ему Анна Павловна,—сказалъ Иванъ Ивановичъ по уходѣ Семена Ивановича.

— Не любить онъ вообще женщинъ-то,—добавилъ Петръ Павловичъ,—а еще на службѣ, да у себя. Пожалуй, трудно вамъ придется Анна Павловна. Видите, цѣлую недѣлю не замѣчалъ васъ, а теперь, видно, примирившись съ очевидностью, будетъ взysкивать за каждый промахъ.

— Что-жъ, господа, давайте общими силами поможемъ Аниѣ Павловнѣ,—вскричалъ молодой чиновникъ Чижиковъ,—въ данномъ случаѣ и нужно то всего—каждый день передъ уходомъ, пока Анна Павловна не влянется, провѣрять, ну хотя по очереди что-ли, журналъ, вотъ и все. Согласны, господа? Пускай сегодня будетъ моя очередь. Надо-же новому товарищу помочь...

— Ишь какъ поетъ, что соловей,—сказалъ пожилой добродушный экзекуторъ.—То-то ты всегда и помогалъ журналистамъ, а особенно предшественнику барышни то.

Всѣ весело расхохотались, зная антагонизмъ Чижикова съ Чубуковымъ прежнимъ «журналистомъ». Понемногу вся молодежь собралась у стола барышни и провѣрка журнала началась.

Выйдя на улицу Семень Ивановичъ прежде всего выругалъ себя:

— Эка осель какой; ну что сдѣлала тебѣ эта барышня, за что ты на нее напустился, она вѣдь не виновата, что тебѣ ее «посадили», вѣдь ей тоже вѣсть хочется! а ты не могъ ободрить человѣка,

обласкать, вѣдь хорошо, что ты обезпеченъ, вотъ идешь вѣсть вкусный обѣдъ, а каково зарабатывать хлѣбъ то руками... гмъ, ручками... гмъ..., а дѣйствительно, ручки у нея хорошенькія, это я замѣтилъ, и видно аккуратная дѣвочка, ноготки обточены и розовенькіе... гмъ... да... о чемъ я, бишь, сейчасъ... да, да... поддержать говорю надо, а не страшать, сдѣлать возможнымъ, осуществимымъ женскій трудъ. Да, наконецъ... такіе волоски бѣленькіе, гдѣ я видаль... и косичка такъ мило уложена... Да и лучше, конечно, этого лохматого Чубукова. Къ тому-же она облагородитъ всю атмосферу канцеляріи, надо только поддержать... поддержать.

Обѣдъ кухаркѣ не задался. Въ клубѣ интересной партіи не было и Семенъ Ивановичъ, рано вернувшись, легъ спать, но заснуть долго не могъ, проворочался полъ ночи и засыпая онъ все еще твердилъ: какія ручки... ободрить... да... глазки...

На другой день, сидя за столомъ въ канцеляріи, онъ украдкой, незамѣтно для подчиненныхъ, не спускалъ глазъ съ «журналиста».

— Носикъ ровненькій, прямой, самый римскій, славный овалъ лица... бровки какъ написанныя... да, да...—Слушайте, какъ васъ,—неожиданно обратился онъ къ барышнѣ,—отправили вы вчера пакетъ Тугузину.

Семенъ Ивановичъ задалъ вопросъ совсѣмъ не нужный, но онъ хотѣлъ «ободрить», но въ то-же время не желая, что-бы служащіе истолковали это обращеніе къ барышнѣ какъ желаніе заговорить съ нею, онъ опять, какъ и вчера, преувеличенно рѣзко это вскрикнулъ.

Барышня вспыхнула, сконфузилась, и едва слышно сказала.

— Да!

— Ахъ я скотъ этакій, развѣ такъ можно, рывкнулъ какъ звѣрь, вѣдь она натура нѣжная, вѣдь она тебѣ не Чубуковъ... гмъ... Надо чѣмъ нибудь загладить нѣсколько впечатлѣніе. Но вѣдь эти сорванцы сейчасъ скажутъ—ухаживать началъ нашъ-то! Имъ что зубоскаламъ.

— Покажите-ка, какъ вы тамъ занесли эту отправку,—обратился онъ къ барышнѣ,—ну иди ко мнѣ, иди... Дуся,—мелькало у него въ мозгу.

Барышня встала, взяла книгу и робко, не слышно подошла къ столу. Семенъ Ивановичъ взявъ изъ рукъ книгу положилъ передъ собой.

— Ну покажите, какъ вы тутъ ведете.

Барышня, стоя сбоку стола, проводя рукой по книжкѣ, объясняла какъ она дѣлала. Семенъ Ивановичъ дѣлая видъ, что углубился въ разсмотрѣніе правильности записи, не отрывалъ глазъ отъ мелькавшей ручки, и когда ручка эта перестала указывать куда занесено то-то и то-то, Семенъ Ивановичъ заинтересовался старыми записями.

— Боже мой, ручка-то, ручка! Пальчики, милые пальчики...

Служащіе, зная Семена Ивановича за яраго же-нофоба, а потому и ожидая новой «придирки», при-

тихли и насторожились, особенно когда онъ, въ порывѣ усердной ревизіи, перешелъ къ разсмотрѣнію записей, сдѣланныхъ еще предшественникомъ барышни. Ручка перестала мелькать и Семенъ Ивановичъ опомнился, замѣтилъ притихнувшую канцелярію.

— Чортъ знаетъ, что такое, вотъ уже и насторожились. Еще скажутъ, пожалуй, что ручки ей цѣлуютъ; цѣлый романъ развѣдутъ; рады будутъ утопить человека въ грязи.

— Такъ, пожалуйста, что-бы этого не было, слышите вы это!—Неожиданно выпалилъ онъ, отдавая барышнѣ книгу.

— Хорошо-съ!

И барышня сѣла, вся красная, на свое мѣсто, незамѣтно платочкомъ смахнула слезу. А Семенъ Ивановичъ сидѣлъ насупившись и громилъ себя:—Ну и подлець же ты. Чего тамъ «что бы этого не было», вѣдь это чортъ знаетъ что такое... Дуся, Дусеночекъ, вѣдь это я нарочно; дорогая, милая, вѣдь это все для нихъ, для зубоскаловъ проклятыхъ; пойми, пойми меня, сердечко мое, дѣточка моя, я вѣдь ободрить, поддержать тебя хочу... Иванъ Ивановичъ покажите мнѣ переписку съ Москвою по дѣлу Славина.

— Сейчасъ, я хотѣлъ передать барышнѣ для отсылки.—Запинаясь при непривычномъ словѣ «барышнѣ» отвѣтилъ Иванъ Ивановичъ.

— Барышнѣ! Что! Какой барышнѣ! Барышни, милостивый государь, въ гостиныхъ, да-съ, а здѣсь, въ казенномъ учрежденіи имѣется для отправокъ столъ «журналиста», да-съ! Прошу это помнить!

По уходѣ Семена Ивановича все отдѣленіе собралось обсуждать какъ бы спасти Анну Павловну отъ «сѣвденія».

— Ишь до чего взбѣленился старый чортъ,—сказалъ всегда спокойный экзекуторъ,—совсѣмъ не можетъ выносить женскаго духа. Охъ съѣсть, съѣсть онъ нашу барышню, чуетъ мое сердце. Вѣдь звѣрь звѣремъ сталь. А вы вотъ что, милостивые государи мои, послушайте-ка какая мысль влетѣла мнѣ въ голову, а вы милая барышня не извольте плакать, мы общими-то силами какъ-нибудь и вызволимъ васъ. Знаете что, надо будетъ попросить Николая Николаевича изъ секретаріата, пусть-ка онъ стукнется къ секретарю, тамъ я знаю есть вакансія машинистки, такъ пусть онъ только окажетъ ему что устроивъ Анну Павловну у себя, онъ окажетъ услугу Семену Ивановичу, а ужъ они тамъ сами хорошо знаютъ кому, когда и что нужно сдѣлать, когда услужить, когда ножку подставить, какъ говорится—когда лизнуть, а когда лягнуть. Ну, какъ, вѣрно я говорю!

— Bravo Федоръ Федоровичъ.—Дипломатъ!—Бисмаркъ.—Ура!—раздались возгласы и сейчасъ-же была отправлена въ секретаріатъ дипломатическая миссія, въ лицѣ уважаемаго Федора Федоровича, съ неограниченными полномочіями.

Въ это время Семенъ Ивановичъ, сидя на извошикѣ, мучился мыслью:

— Учуютъ, охъ учуютъ сорванцы, погубятъ мошенники. И въ самомъ дѣлѣ, принесла нелегкая эту бар... дѣвуш... дѣвочку, да... какъ ее зовутъ... ну, да все равно. Какъ бы все это упорядочить... гмъ... вотъ что, пожалуй, сдѣлать:—миѣ давно не нравится Ершовъ, посажу-ка я его въ журналъ, а ее переписывать мои доклады. Онъ тоже по вольному найму и всѣ знаютъ, что я имъ недоволенъ. Это довольно правдоподобно. А тамъ, если случится заболѣть, то вмѣсто Ершова можно будетъ... ну конечно можно, вызвать домой ес...

И въ самомъ дѣлѣ, сидѣли-бы себѣ у меня въ кабинетѣ, каминъ топится, полумракъ, я на правахъ больного — въ халатѣ, на диванѣ, а она, на моемъ креслѣ у стола, и я бы диктовалъ, а она-бы писала, я диктовалъ—а она-бы писала, а потомъ я, конечно, какъ больной, могу скоро утомиться, перешли бы въ столовую: она наливала-бы чай, клала закуску, прелесть!.. А тамъ... Да, но вѣдь эти бѣстїи пронюхаютъ, разнесутъ по всему городу. Нѣтъ надо иначе устроить. Но какъ?..

... Такъ вотъ, я еще разъ повторяю, милѣйшїй Семенъ Ивановичъ, — говорилъ директоръ пода-

вая Семену Ивановичу руку и тѣмъ показывая, что онъ его отпускаетъ, — что я вполнѣ, на васъ полагаюсь и заранѣе увѣренъ, что вы справитесь, какъ всегда, и съ этимъ дѣломъ. Конечно, могу прибавить, мы оцѣнимъ всѣ ваши труды. Ну-съ, а пока, имѣю честь кланяться и желаю всего наилучшаго. Да, я было и забылъ. Я помѣстилъ какъ-то на освободившуюся у васъ вакансію одну барышню, за нее просилъ меня нашъ Петръ Петровичъ, а теперь вспомнилъ, что вы вѣдь у насъ ярый женоненавистникъ хе-хе-хе, такъ вотъ извиняюсь и исправляю свою ошибку и перевожу эту дѣвицу въ секретаріатъ, а вы, ужъ замѣстите, кѣмъ хотите, по своему выбору, пожалуйста. Еще разъ извиняюсь и желаю быть здоровымъ... Такъ мы вполнѣ на васъ надѣмся.

— Ишь чортъ, ошалѣлъ что не удалось слопать дѣвицу-то,—только и могъ сказать Федоръ Федоровичъ увидѣвъ какъ Семенъ Ивановичъ вернулся отъ директора и, упавъ на кресло, бессмысленно глядѣлъ на опустѣвшее мѣсто «журналиста».

В. Мининъ.

* * *

Овѣянъ ты дыханьемъ вьюги
Но щеки ярче вешнихъ дней,
Пришелъ шепнуть своей подругѣ
О томъ, что ты вернулся къ ней.

Слеза скатилась у желанной,
Изъ пальцевъ выпала игла...
Пускай болитъ и ноетъ рана—
Душа—здоровая и свѣтлая.

Покажѣсть ты съ любимой дома
Зачѣмъ о будущемъ гадать?
Какая въ воздухѣ истома,
Какая въ сердцѣ благодать!

Татьяна Ефимова.

«Лѣсная дорога».

С. Ю. Жуковский.

Г Л А В А.

РАЗСКАЗЪ.

Много лѣтъ тому назадъ, когда стояла такая суровая зима, что волки забѣгали къ самымъ жилымъ строениямъ, жила въ одной усадьбѣ молодая женщина. Случилось это въ южной Польшѣ, въ дикой лѣсистой мѣстности. Мужъ молодой женщины былъ на войнѣ, которую велъ въ то время Наполеонъ, и она одиноко сидѣла дома.

Усадьба была большая и богатая. Въ господскомъ домѣ было много комнатъ, но большинство ихъ стояло на зиму закрытыми. Молодая госпожа занимала небольшую часть зданія, и когда наступалъ вечеръ, она была тамъ совершенно одна, такъ какъ кухня и людскія находились на противоположномъ концѣ. Но когда ее спрашивали, не страшно ли ей, она только презрительно усмѣхалась. Страшно? Она не знала даже, что это значить. И продолжала жить въ своей прежней спальнѣ съ широкой двухспальной кроватью.

Въ этой комнатѣ стоялъ также ея письменный столъ. Когда наступала темнота и все въ домѣ утихло, она доставала дневникъ и записывала въ немъ свои думы, думы о немъ, далекомъ, любимомъ. Или же писала ему длинныя письма. Передъ ней на столѣ

горѣли салныя свѣчи. Она мечтала и томилась, а иногда подходила къ окну и вглядывалась въ зимнее небо, такое безконечное, звѣздное, которое простиралось и надъ нимъ.

— Ты—мое счастье,—думала она. Звѣзда моя путеводная! О какъ хотѣла бы я быть тѣмъ же для тебя!

Ложась спать она становилась на колѣни возлѣ кровати и громко молила Бога защитить его и вернуть поскорѣе домой.

— Безъ него что станется со мной?—говорила она и въ эту минуту чувствовала себя такой слабой и маленькой.

Позади письменнаго стола на мольбертѣ стоялъ портретъ мужа въ натуральную величину. Онъ былъ написанъ искуснымъ живописцемъ, и часто молодой женѣ казалось, будто самъ мужъ стоитъ передъ нею. Глаза его кротко сіяли, смотрѣли на нее такъ серьезно, а когда она ходила по комнатѣ, казалось слѣдовали за ней. И она пристально вглядывалась въ портретъ, ища утѣшенія, одобренія или опоры. Стоило ей только взглянуть и она тотчасъ смягчалась, и

хотѣлось ей стать лучше, совершеннѣе. Да, это были удивительные глаза.

Въ тотъ годъ стояла лютая зима. Въ странѣ, опустошенной войной, царила страшная бѣдность. Разбойничьи шайки—толпы обозленныхъ, голодныхъ людей—собирались повсюду, грабили, убивали и навели ужасъ. Въ усадьбѣ, о которой идетъ рѣчь, все также были объаты страхомъ и лишь одна молодая госпожа высмѣивала трусовъ. Но по вечерамъ она сама тщательно осматривала ворота и ставни и дѣлала на послѣдокъ обходъ всего дома, начиная съ кухни и людской, гдѣ жили двѣ старыя служанки и кончая собственной спальней.

Такъ она сидѣла однажды темнымъ вечеромъ, въ то время, какъ на дворѣ бушевалъ вѣтеръ и потрясалъ на крышѣ черепицы. По обыкновенію она много писала и нѣсколько устала отъ мыслей и напряженія. Она положила перо, вздохнула и усѣлась удобнѣе въ креслѣ. Сальныя свѣчи капали иплыли, а она смотрѣла, не въ силахъ пошевелиться.

— Милый, любимый мужъ, — думала она и подняла глаза, ища на портретѣ знакомаго, ободряющаго взгляда.

И вдругъ ее охватилъ ужасъ: она увидѣла совершенно ясно, что на нее уставились чужіе стеклянные глаза. Она нагнулась надъ столомъ и напряженно думала.

— Сплю я? нѣтъ. Ясно я вижу? Да. Посмотрю еще разъ, покажется ли мнѣ то же самое.

Но когда она снова взглянула навѣрхъ, странное чужое выраженіе оставалось по прежнему. Мало того—глаза встрѣтившіеся съ ея взглядомъ стали теперь мрачными, высмѣивающими. Въмѣсто прежняго кроткаго сіянія, они сверкали синимъ огнемъ.

Она скоро сообразила въ чемъ дѣло. Кто то чужой стоитъ за портретомъ, въ которомъ онъ продырявилъ глаза, и пылливо слѣдитъ за ней.

Она почувствовала, что ея руки стали холодны какъ ледъ и должна была стиснуть зубы, такъ какъ несмотря на всю свою храбрость, готова была закричать. Она была вѣдь совершенно одна, безоружна, во власти разбойника. Рано утромъ придетъ управляющій, явятся слуги, но теперь лишь двѣ старыя служанки спятъ далеко на другомъ концѣ дома, да и развѣ въ силахъ онѣ помочь ей?

Чего онъ дожидается? Вѣроятно, пока она ляжетъ спать, чтобы тогда дать знакъ товарищамъ, поджидающимъ его гдѣ-нибудь въ темнотѣ.

Она старалась успокоиться, но сердце учащенно билось въ груди.

— Теперь каждая минута дорога, надо поскорѣй что-нибудь придумать.

Она провела рукой по лбу и встала, какъ будто только что проснулась отъ глубокаго сна. Громко зѣвнула, медленно вынула гребень изъ волосъ, подошла къ кровати и сдѣлала видъ, что собираетъ ее стелить. Потомъ упала на колѣни и стала молиться громкимъ, яснымъ голосомъ.

— Господи Боже мой,—молилась она,—помоги мнѣ, и я сдѣлаю доброе дѣло во имя Твое.

Съ какихъ поръ онъ тамъ?—думала она въ то же время. Онъ, вѣроятно, страшно усталъ. Стоитъ можетъ быть нѣсколько часовъ, не рѣшаясь выйти... Ждалъ, пока я лягу спать...

И вдругъ совершенно ясный планъ созрѣлъ въ ея головѣ.

Она поднялась, скрестила руки на груди, подошла къ портрету и громко сказала:

— Кто тамъ прячется? Выходи! Я тебя все равно видѣла. Лучше поговоримъ откровенно, чтобы знать чего намъ ждать другъ отъ друга.

Слышно было какъ что-то задвигалось за картиной. Грязный, оборванный, блѣдный какъ смерть человекъ, вышелъ шатаясь изъ-за нея. Волосы его были всклокочены, въ нихъ проглядывала сѣдина.

— Зачѣмъ вы сюда забрались?—спросила она,— вы, навѣрное, очень устали? Сядьте. Можетъ быть, хотите ѣсть?

— Да,—сказалъ человекъ.

Она взяла со стола молоко и хлѣбъ, поставила передъ нимъ.

Онъ съ жадностью набросился на ѣду, разглядывая ее изподлобья, мрачнымъ, какъ ей казалось, свирѣпымъ взглядомъ. Но она продолжала спокойно стоять, нисколько не мѣняясь въ лицѣ.

— Вы забрались сюда, чтобы меня ограбить?

Мужчина собралъ крошки.

Ужъ, конечно, ни для чего другого.

— Вы знали, что я одна?

— Да, но я не собирался убивать.

— Можетъ быть вы и не вооружены?

Онъ не отвѣчалъ.

— Вы, однако, должно быть, долго простояли за картиной. Вѣроятно, страшно устали. Вы вѣдь старый человекъ?

— Да.

— Ну, а теперь вамъ лучше?

— Да, благодарю васъ, сказалъ онъ немного боязливо и по его тону она сразу поняла, что одержала побѣду.

— Возарилось молчаніе. Женщина шагала по комнатѣ. Мужчина съ жадностью выпилъ молоко до послѣдней капли, собралъ все крошки и отправилъ ихъ въ ротъ.

И вдругъ ей показалось, что сквозь щели тяжелыхъ шелковыхъ портьеръ пробиваются первые проблески разсвѣта. Отдернуть занавѣси, убѣдиться, она не рѣшилась. Въмѣсто того повернулась къ бродягѣ и пристально посмотрѣла на него.

— Вы чужой въ этихъ мѣстахъ,—сказала она.— Что же вы нашли товарищей, чтобы вмѣстѣ шататься и воровать?

— Отпустите меня,—проговорилъ онъ и отвелъ глаза въ сторону.—Дайте мнѣ немного денегъ и отпустите меня. Я не сдѣлаю вамъ никакого зла, не трону вашихъ драгоценностей...

— Ахъ, вы говорите о жемчужномъ ожерельи и кольцахъ, которыя я только что сняла?

Мужчина съежился. Она близко подошла къ нему.

— Ахъ ты, жалкій трусъ!—подумала она,—не знаешь, что отвѣтить, съ чего начать. На висѣлицѣ бы тебѣ болтаться, а не сидѣть здѣсь.

— Вотъ что,—сказала она,—услуга за услугу.— Я тебя отпущу и дамъ еще на дорогу вотъ эти драгоценности. Видишь я кладу въ сумку жемчугъ и вотъ эти кольца и брошку и еще цѣпь. Но только сначала ты долженъ мнѣ рассказать что-нибудь о себѣ, о своей жизни. Это меня позабавитъ.

— Я вонъ тутъ слышалъ,—отвѣчалъ онъ нерѣшительно,—что вы общали Богу доброе дѣло. Вы объ этомъ теперь вспомнили?

— Можетъ быть, можетъ быть. Тамъ видно будетъ. Не разсуждайте о томъ чего не понимаете. Разсказывайте-ка лучше.

Я не ошиблась, думала она. Это начинается разсвѣтъ. Еще часъ какой-нибудь надо вытерпѣть, не больше. Лишь бы онъ ничего не замѣтилъ.

Она плотнѣе сдвинула гардины и зажгла еще двѣ пары свѣчей.

— Я зажгла еще свѣчи,—сказала она.—Ночь такъ черна, точно душа какого-нибудь злодѣя... А вы слышали, что на прошлой недѣлѣ волки тутъ загрызли одного бродягу? Вы моргаете? больше привыкли къ темнотѣ? А вѣдь недурно, сознайтесь, посидѣть здѣсь, да еще на сытый желудокъ?

— Смотрите,—сказала она, доставая ларецъ и высыпая содержимое.—Вотъ и еще драгоценности. Я съ удовольствіемъ прибавлю вамъ и отсюда парочку на дорогу. Но сначала вы должны мнѣ рассказать о себѣ.

Бѣдняга окончательно растерялся. Отверженный, погибшій человекъ, онъ отдыхалъ въ мягкомъ креслѣ, ослабленный роскошью и свѣтомъ. Наконецъ, онъ рѣшился взглянуть на странную молодую женщину. Взгляды ихъ встрѣтились.

— Нѣтъ,—думалось ему,—это не сонъ. Но что же тогда, что?

Что-то связало ему языкъ, руки налились свинцомъ. Какъ-будто что-то старое, старое давно забытое закопошилось гдѣ-то далеко въ глубинѣ души. И вдругъ слезы побѣжали по его грязнымъ щекамъ, оставляя двѣ свѣтлыя полоски.

Молодая женщина напряженно прислушивалась къ тому, что происходило снаружи. Какъ-будто шаги въ сѣняхъ? Сколько времени прошло? Она никакъ не могла опредѣлить. Да, это, конечно, шаги. Но можно ли считать себя уже въ безопасности?

— Посмотрите,—сказала она,—можетъ быть и это положить въ мѣшокъ? Ну что же, наконецъ, разскажи?.. Вы плачете?

Бѣдняга упалъ на колѣни и громко всхлипывалъ. Запинаясь, началъ онъ свой разсказъ.

Съ изумленіемъ смотрѣла на него молодая женщина. Ну вотъ, онъ еще, кажется, сошелъ съ ума. Боже, окончи эту пытку!

И словно Богъ услышалъ ее призывъ. Въ домѣ раздались шаги, теперь уже совершенно ясно и направлялись они прямо сюда.

Однимъ прыжкомъ она очутилась у дверей, дернула изо всѣхъ силъ и вдругъ закричала:

— Помогите, помогите! Разбойникъ!..

Все окончилось страшно быстро. Онъ метнулся направо, налѣво, словно загнанный звѣрь; увидѣлъ, что нѣтъ никакого выхода и тотчасъ же сдался. Когда его вели мимо нея, онъ бросилъ на нее взглядъ,—такой пустой, растерянный и печальный.

И его увели, а госпожу уложили въ постель, гдѣ она пролежала два дня. Окруженная заботами, въ какомъ-то оцѣпенѣніи, наслаждалась она безконечнымъ покоемъ, выслушивая похвалы своей храбрости.

— Что скажетъ господинъ, когда вернется домой!—говорили служанки.

— Что слышно о разбойникѣ?—спросила она.

— Онъ сидитъ въ деревнѣ.

— Это былъ горе-разбойникъ,—сказала госпожа и улыбнулась. Теперь, когда силы начинали къ ней возвращаться, она подумала какъ легко съ нимъ раздѣлалась.

— Жалкій глупецъ,—говорила она.—Онъ вѣрилъ каждому слову. Чтобы я подарила ему мои жемчуга и драгоценности и позволила убѣжать!.. «Вы, вѣрно, считаете это добрымъ дѣломъ»,—спросилъ онъ меня. Нѣтъ, это ужъ, право, слишкомъ! Доброе дѣло по отношенію къ такому воришкѣ!

На третій день она спросила.

— Ну, что мой разбойникъ? Не спрашивалъ ли обо мнѣ?

— Его повѣсили. Что его было долше кормить.

— Правильно,—сказала госпожа и вдругъ почувствовала, что въ глубинѣ души ей хотѣлось бы еще разъ поговорить съ нимъ, узнать что онъ думалъ, когда его проводили мимо. Да, что онъ думалъ?

И вдругъ ей захотѣлось поѣхать къ матери. Такъ поспѣшно она еще никогда не собиралась. У матери она прогостила нѣсколько недѣль. Повсюду ее окружали вниманіемъ, привѣтствовали какъ героиню, восхваляли ея храбрость и рѣшительность. Снова и снова должна она была рассказывать происшествіе со всѣми его подробностями. Не испугалась ли она? Она-то? Ну конечно нѣтъ. И она весело смѣялась. Въ самомъ дѣлѣ она была неподобна: храбра, сильна, находчива. Всѣ твердили въ одинъ голосъ, что ей теперь не достасть только сына, который, конечно, сталъ бы великимъ героемъ. Но о мужѣ, сражавшемся тамъ, далеко, говорили очень мало. Онъ и всегда-то слылъ за человека кроткаго, мягкаго, справедливаго, а теперь его образъ и совѣмъ ступевался передъ смѣлымъ подвигомъ молодой сунруги.

Неожиданно пришло съ почтой извѣстіе, что онъ больше никогда уже не вернется. Его нашли на полѣ среди убитыхъ послѣ жаркой, кровопролитной битвы. Письмо получилось утромъ, и до самаго вечера молодая женщина пролежала въ обморочѣ, такъ что начали уже бояться за ея жизнь. Придя, наконецъ,

въ себя она принялась звать мужа, дико кричала и стонала. Потомъ вскочила и все ходила, ходила по комнатѣ, ударя кулаками по стѣнамъ.

— Боже, Боже!—кричала она.— Ты обманулъ меня! Ты отнял у меня счастье! Какъ я могу теперь молиться Тебѣ! Развѣ Ты не понимаешь какъ онъ былъ мнѣ необходимъ?.. Теперь все кончено... Я хочу домой! Я хочу домой...

Среди ночи пришлось запрягать лошадей, и она уѣхала.

— Скорѣе!—кричала она и горѣла однимъ только желаніемъ очутиться у себя, въ «его» комнатѣ, носящей «его» слѣды, хранящей еще, какъ ей казалось, отзвуки «его» голоса.

На почтовой станціи замученныя лошади пали. Ихъ замѣнили другими.

— Впередъ,—подгоняла она.— Я за все заплачу!

На разсвѣтѣ пріѣхали домой.

Вылѣзая изъ кареты, она дрожала.

— Не ходите за мной!—приказала она встрѣтившимъ ее служанкамъ и направилась одна черезъ холодныя пустыя комнаты прямо въ свою спальню. Замкнувшись тамъ въ себѣ, остаться тамъ навсегда, навѣки одинокой, передъ его портретомъ...

Она открыла дверь. Холодный утренній свѣтъ пробивался сквозь шелковыя занавѣси и падалъ прямо на портретъ. Она взглянула пристальнѣе и вдругъ громко вскрикнула и закрыла лицо руками.

Глаза, глаза! Какъ это она забыла! Портретъ стоялъ на своемъ мѣстѣ, портретъ ея дорогого, любимаго мужа. Да, но глаза! Ихъ больше не было. Пустой погасшій взглядъ, лишенный всякаго выраженія, до странности напоминающій растерянный взглядъ несчастнаго разбойника, когда его вели мимо нея къ заключенію и смерти.

Ужасъ и стыдъ охватили ее.

— Что она надѣлала! Какъ она еще смѣла звать къ милосердію!..

Служанки незамѣтно проскользнули позади нея и теперь стояли въ дверяхъ испуганныя, молчаливыя. Ихъ гордая госпожа упала вдругъ на колѣни, лицомъ прямо на полъ, не слышала какъ онѣ вошли, не слышала ничего вокругъ.

И тогда онѣ повернули и тихонько ушли прочь; онѣ поняли, что здѣсь происходитъ что-то такое, чему не должно быть свидѣтелей.

Переводъ со шведскаго Е. Бершадской.

Библиографія.

БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ. «Дальній край». Романъ. Москва. 1915 г. К-во К. Ф. Некрасова. Стр. 320. Цѣна 1 р. 50 коп.

Среди современныхъ писателей Борисъ Зайцевъ стоитъ особнякомъ, въ сторонкѣ; онъ несомнѣнный и достойный наслѣдникъ Чехова—ему присущъ особый, задушевный, безыскусственный лиризмъ, чувствованіе природы, типично русская мягкость. Свое оригинальное обаяніе онъ сообщаетъ всѣмъ своимъ вещамъ независимо отъ ихъ формы и размаха—и потому для читателя полюбившаго этого застѣчиваго, сдержаннаго художника слова будутъ равнодѣльны три странички «Елисейскихъ полей» и неспѣшное, широкое теченіе его новаго романа.

«Дальній край» обладаетъ всѣми типическими признаками зайцевскаго творчества—спокойствіе, безмятежность, величавость, подобная теченію нашихъ великихъ родныхъ рѣкъ. Любовь къ природѣ какъ всеисчерпывающему началу наполняетъ страницы

книги—и герои романа цѣлуютъ благоговѣнно и смиренно землю—родную, московскую и почву священной Италіи.

Тамъ гдѣ романъ подходитъ къ движенію, къ активности, не къ милой и веселой суетѣ ежедневности, а къ борьбѣ, революціи—тамъ Зайцевъ слишкомъ тусклъ и вялъ, слишкомъ тиха его интимная рѣчь для уличнаго грохота и шума. «О чемъ они спорятъ, о чемъ шумятъ? Этотъ вечеръ, звѣзды, спящія птицы, коростель, роса, май... вотъ, мнѣ кажется, гдѣ правда. Умишй этого, все равно, не выдумаешь»; такъ говоритъ одна изъ героинь романа и въ примиряющемъ ощущеніи природы невольно принимаешь и вѣришь правдѣ автора «Дальняго края».

Его герои, каждый по своему, совершаютъ запутанный, тяжелый, часто вовсе непостижимый путь въ дальній край—къ вѣчности, къ иной, блаженной, свѣтлой жизни. И каждому изъ нихъ даются различныя уроки—только страданіемъ, смиреннымъ, терпѣ-

ливимъ сердцемъ искупается все ложное и злое, открывается вождѣльное и искомое.

Всѣ безразлично—безумная Клавдія, шумная Лизавета, нервѣнительный Петя и террористъ Степанъ—всѣ приходятъ наконецъ къ одному и тому же великому лозунгу: «Надо жить, но по новому, по завѣту Того, кто крестной смертью подтвердилъ и освятилъ божественную правду Своего ученія. Надо любить и искупить любовью и самопожертвованіемъ свою горькую жизнь. Въ этомъ же новомъ будетъ правда и радость, ибо тамъ Истина». И Степанъ, убившій мимоходомъ, случайно, неповинныхъ дѣтей, искупаетъ любовью пролитую кровь, отдаетъ свою жизнь за другихъ, гибнетъ на каторгѣ, въ глухой тайгѣ—его казнятъ за несовершенное имъ убійство.

Нѣсколько разъ въ этомъ романѣ Зайцевъ ка-

сается самого страшнаго и самого насущнаго вопроса—смерти. И его любовь къ Божьему міру, къ Божьему созданію даетъ ему силы говорить о смерти свѣтло и спокойно. Книга эта захватываетъ, волнуетъ, порою печалитъ, но печаль ея свѣтла, въ ней такъ много лучистыхъ обѣтованій, какъ въ февральскихъ холодахъ предчувствія весны.

Зайцевъ написалъ значительную, хорошую книгу; отъ ея страницъ вѣетъ живымъ, творческимъ духомъ, просвѣтленнымъ, утѣшеннымъ человѣкомъ «который смиренно подошелъ бы къ Нему, какъ иѣкогда блудница, поцѣловалъ бы руку и просилъ бы позволенія слѣдовать за Нимъ. Они направились бы въ ту далекую страну—Вѣчность, куда ведутъ пути всѣхъ человѣческихъ жизней».

Димитрій Крючковъ.

Содержаніе.

* * Стих.—А. Рославлевъ. Балаганъ—Ш. Карповъ. Журналистъ—В. Мишинъ. * * Стих.—Т. Ефимова.
Глаза—Перев. со шведскаго Е. Бернадской.

Библиографія.

На основаніи закона 20 марта 1911 года перепечатка литературнаго и художественнаго матеріала настоящаго номера воспрещается.

12
КНИГЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1915 годъ

(3-й годъ изданія)

4 руб.
въ годъ.

на ежемѣсячный литературный, научный и политический журналъ

«СЪВЕРНЫЯ ЗАПИСКИ»,

издаваемый въ Петроградѣ.

Журналъ «Сверныя Записки» отражаетъ и освѣщаетъ культурныя и политическія явленія, волнующія современную демократію, отстаивая тѣ теченія въ области мысли и жизни, которыя несутъ въ себѣ высшія культурныя цѣнности и начало свободнаго развитія обществственности.

Въ 1915 году журналъ будетъ издаваться по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ въ отдѣлахъ художественной литературы (беллетристика, стихи), литературной критики, искусства, театра, науки, философіи, религіи, политики, народнаго хозяйства.

Всестороннее разсмотрѣніе проблемъ, выдвигаемыхъ мировой борьбой—вотъ задача, которую поставилъ себѣ журналъ съ самаго возникновенія войны. Согласно второй задачѣ, «Св. Зап.» и въ 1915 г. особое вниманіе будутъ удѣлять великимъ потрясеніямъ и испытаніямъ, переживаемымъ въ настоящее время человѣчествомъ, освѣщая въ рядѣ статей политическую, социальную, психологическую, культурную и др. стороны разворачивающихся событій.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ достав. и пересыл. на годъ—4 р., 6 мѣс.—2 р. 50 к., 3 мѣс.—1 р. 25 к.

Принимается подписка: въ Главной конторѣ журналъ: Петроградъ, Загородный пр., 21/10; въ крупныхъ книжн. магаз. и во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ. Книжные магазины за комиссію удерживаютъ 10%.

Издательница С. И. Чацкина.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на новое иллюстрированное изданіе

„ЛѢТОПИСЬ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ НАРОДОВЪ“

подъ редакціей Генералъ-Маіора Ф. Г. Игнатъева,
при участіи

Генерала-отъ-инфантеріи М. И. Ботьянова

(по официальнымъ даннымъ, свѣдѣніямъ печати и показаніямъ очевидцевъ—участниковъ войны).

Съ картами, планами, портретами, изображеніями боевыхъ сраженій и рисунками изъ военнаго быта.

Изданіе печатается на роскошной бумагѣ большого альбомнаго формата и выходитъ еженедѣльными выпусками. Каждый выпускъ Лѣтописи содержитъ вполне законченную часть и состоитъ изъ двухъ отдѣловъ.

Первый выпускъ для ознакомленія высылается за 30 к. (по полученіи марокъ).

Подписка принимается пока только на 12 выпусковъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:—3 руб. съ пересылкой по всей Россіи. Допускается разсрочка въ 2 и 3 срока.

Деньги и требованія адресовать:

въ Главную контору

„ЛѢТОПИСИ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ НАРОДОВЪ“

Петроградъ, Владимирскій пр., д. № 7.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 г.

(7 годъ изданія)

на первый въ Россіи

большой еженедѣльный богато-иллюстрированный журналъ, посвященный

всѣмъ видамъ любительскаго спорта,

„Русскій Спортъ“,

Удостоенный ВЫСОЧАШЕЙ БЛАГОДАРНОСТИ (отношеніе министра Императорскаго Двора отъ 5-го сентября 1914 г. за № 10634) и награжденный на спортивной выставкѣ въ МОСКВѢ ЗОЛОТОЙ медалью.

Въ 1915 году журналъ будетъ заключать въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: автомобилизмъ, атлетику (легкую и тяжелую), боксъ, борьбу, гимнастику, велосипедъ, воздухоплаваніе, водный спортъ (плаваніе, гребля), конскій спортъ, коньки, крикетъ, лаунъ-теннисъ, лыжи, охоту, хоккей, футболъ, фехтованіе и проч.

Основная задача журнала, помимо освѣдомленія читателей по всѣмъ областямъ спортивной жизни,—содѣйствіе идейному руководству русскимъ спортивнымъ движеніемъ и распространенію здоровыхъ и истинныхъ взглядовъ на спортъ и на его роль въ дѣлѣ физическаго развитія и воспитанія. Поэтому главное вниманіе редакціи, на ряду съ информаціей, будетъ удѣлено руководящимъ статьямъ по всѣмъ видамъ спорта и физическаго развитія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Годъ—10 р., 6 мѣс.—6 р., 3 мѣс.—3 р., 1 м.—1 р. съ дос. и перес.

Допускается разсрочка годовой платы: при подпискѣ—4 р. къ 1 марту и 1 апрѣлю по 3 р.

Подписка принимается: въ главной конторѣ журнала—Москва, Б. Козихинскій п., № 8, и во всѣхъ книжн. магазинахъ.

Восьмой годъ изданія.

— Н О В Ы Й —

ЖУРНАЛЬ

ДЛЯ ВСѢХЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 годъ.

ЖУРНАЛЬ ВЫХОДИТЬ ЕЖЕМѢСЯЧНО

въ объемѣ 4—5 печ. листовъ (въ 130—140 стр.).

Въ связи съ переживаемымъ временемъ въ журналѣ будетъ обращено особое вниманіе на: 1) Военно-Морской отдѣлъ, вести который будетъ проф. Никол. Морской Акад. Н. Л. Кладо и 2) Отдѣлъ Художественный, подъ руководствомъ пом. хран. музейевъ Императорской Акад. Худ. С. К. Исакова. Журналъ будетъ иллюстрироваться оригинальными рисунками, фотографіями, вѣнзетками и карриатурами.

Для каждаго номера будетъ даваться новая иллюстрированная обложка.

Журналъ будетъ освѣщать всѣ явленія общественной, экономической и политической жизни. Широко будутъ поставлены отдѣлы беллетристич., научно-популярн., критич. и художеств.

Подписчики получаютъ по окончаніи войны Карту новыхъ границъ европейскихъ государствъ въ краскахъ.

Пробный номеръ высылается за двѣ 10 к. марки.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ перес. на годъ—2 р. 20 к. на 1/2 г.—1 р. 20 к. Безъ дост. на 1 г.—1 р. 90 к.

Для сельскихъ учителей, священник., рабочихъ и крестьянъ допускается разсрочка—80 к. при подпискѣ, 80 к. къ 1 марта и 60 к. къ 1 Юля.

АДРЕСЪ ДЛЯ ПЕРЕВОДОВЪ:

Контора и Редакція: ПЕТРОГРАДЪ, Эртелевъ пер. (близъ Жуковской), д. 3. Телеф. 107-88.

Редакторъ-Издатель А. Боане-Яворовская.

Цѣна 15 коп.

На станціяхъ жел. дор. 20 коп.

